

Герой «Комсомольской правды»

В день рождения «КП» о замечательном журналисте Леониде Коробове вспоминает Леонид Репин.

...Так жаль, что развело нас время... Потому что хочется расспросить его о тех далеких от нас годах, которые он пережил вместе с газетой, – бесконечно трудные, но и такие яркие, наполненные общей для всех нас судьбой...

Может, поэтому я часто возвращаюсь в мыслях к нему – неукротимому в устремлении в гущу главных событий – единственно ради того, чтобы родная газета стала первой и лучшей, оповещая о тех событиях? Или потому, что именно благодаря Лешке, как его называли в редакции, мы сейчас гордимся той «Комсомолкой», какой была она в те невообразимо тяжкие годы...

ЗАЧЕМ МНЕ ОРДЕН?

Я никогда не видел его, хотя он еще иногда и появлялся в нашем бесконечном коридоре на шестом этаже здания на улице «Правды», 24. Не видел – но слышал о нем от разных людей. А раз слышал, значит, уже и представлял его – видел почти. Невысок, по-мальчишески худ, высокий лоб и прямые темно-русые волосы, гладко назад зачесанные. Ходил быстро, даже тогда, когда торопиться некуда было, когда он в газете уже не работал. Очень приветлив, отзывчив в улыбке, сразу к нему располагающей. Ордена и медали носил с гордостью, но как-то обыденно, никогда не выставляя их, как это делали многие.

А между тем наш Леша Коробов стал первым советским

журналистом, получившим орден Ленина – высшую государственную награду страны. Он заслужил этот орден в финскую войну, когда в бою заменил погибшего на его глазах командира полка, и бойцы уже под его командой долго отражали атаки противника. И быть бы ему Героем Союза тогда – светила ему Золотая Звезда, – если бы высокие чиновники в центральном аппарате партии не удумали, что и так Коробов получил слишком много – этот отчаянный малый, воевавший с командировочным удостоверением молодежной газеты.

МОРСКОЙ ЛЕТЧИК

В газете он появился, когда о нем никто не слышал ничего – про этого вполне уверенного в себе парня в черной флотской шинели, за отворотом которой, как и полагалось, тельняшка. Коробов, отслужив на флоте срочную и уже внештатно посотрудничав во флотской газете, самочинно решил, что «Комсомолка» – газета как раз для него.

Взяли. На должность секретаря в военном отделе: пусть поначалу покажет себя, каков он, если тельняшкой взоры девушек не отвлекать. А он, оказывается, служа на флоте, давно болел авиацией! Уже в газете работая, окончил летную школу, пилотировал спортивный самолет, позже даже в авиапарадах участвовал.

Ну и все: закипела вокруг Коробова быстрая и веселая жизнь – многих он тогда потянул за собой. Сам превосходно писал о летчиках, их героических перелетах, сам летал – все по-деловому, как будто готовился прямо в небо рвануть из газеты. И уж настолько серьезно, что сам Чкалов советовал ему оставить редакцию и идти в авиацию. Только не на того Чкалов напал. Не собирался Коробов уходить из «Комсомолки» – выбор для себя сделал окончательный.

ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

Он объездил, облетел почти всю страну от Крайнего Севера до Дальнего Востока и южных окраин – семьи нет, свободен, как ветер. А в тот день, когда по радио прозвучали слова о начале

войны, он оказался в Москве. И сразу к главному редактору – проситься на фронт. И уже 24 июня 1941 года отбыл на Южный фронт с командировочным удостоверением, где значилось, что он, Леонид Алексеевич Коробов, направляется для «освещения жизни и боевых действий частей Красной армии на юго-западном направлении».

Пожалуй, звучало несколько расплывчато, но это сделано было умышленно, дабы предоставить военкору больше свободы для всякого рода перемещений. Первым делом Лешка двинул в Севастополь.

По ходу дела Коробов получил звание старшего политрука, потом – капитана и уж, конечно, давно не выглядел тем мальчишкой, которым явился в газету.

ХОЧУ РАБОТАТЬ В «КОМСОМОЛКЕ»!

Однако справедливости ради надо заметить, что еще в мае 1941-го Коробова позвали работать в «Правду» – замзавом отделом информации – тогда он не мог отказаться, не принято это было, но потом, как-то не поладив с новым главным, запросился назад, в «Комсомолку». А это мог решить только кто-то из членов «большого» ЦК. Главный «Правды» пожаловался на Коробова Ворошилову, тот вник в дело и втроем – Ворошилов, главный «Правды» и «подсудимый» Коробов пошли на прием к Маленкову (ведавшему среди прочего и кадрами ЦК КПСС) – как он решит, так и будет.

Вообще-то за строптивость могли тогда сослать нашего Лешку куда угодно. Он не дрогнул и настоял на своем: «Хочу работать в «Комсомольской правде». И назначили Коробова в «Комсомолку» редактором отдела информации – самым газетным отделом, ежели так можно сказать.

Только не был он тем редактором, который сидит на месте и руководит: конечно, он снова на фронте, в отряде знаменитого партизана Ковпака, участвует в партизанских рейдах глубоко в тылу врага. Старались его попридержать. А он снова и снова в

бою...

ДОШЕЛ ДО БЕРЛИНА

Между тем в газете постоянно шли его материалы о партизанах: из самой гущи событий писал Коробов – о людях – и всегда и повсюду он на острие событий. Не мог иначе.

И однажды, уже в 45-м, попал к бандеровцам в плен. И что же? Закончена жизнь?.. У Лешки-то? Сумел отговориться – умел он мозги вправлять, – принялся всякие байки из своей беспризорной жизни до работы в газете рассказывать, смехом уморил – отпустили его. Да еще бутыль самогона и шмат сала дали в придачу: иди, газета, и более не попадайся.

И вот он в начале мая в Берлине, у Бранденбургских ворот: дошел до победы военкор «Комсомолки»! И уже на подписании акта о безоговорочной капитуляции Германии наш военкор полноправно присутствовал. А до этого дня напечатал в «Комсомолке» ряд материалов под названием «Падение Берлина».

Что после? В начале 46-го ушел из газеты – никто не вытеснял его, сел книги писать – и отличные книги о войне вышли тогда. Видно, что человек жил тем, что довелось ему пережить. Женился, семья распалась... Для дороги он создан был. И для газеты – вот что было его звездой путеводной.

А без того и другого – просто не жизнь была для него.

